

УДК 930:003.071 (575.171)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.288.304>

“Винные стихи” на хумах XII века с городища Шодмалик-ота

© 2024 г. Бабаджанов Б.М., Ильясова С.Р.

Keywords: Settlement of Shodmalik-ota, khums, wine poetry, Nasir-i Khisrav, Sufism, the ideology of a medieval city, wine-making workshops

Түйін сөздер: Шодмалик-ота қаласы, хумдар, шарап поэзиясы, Насир-и Хисрав, сопылық, ортағасырлық қала идеологиясы, шарап өндіру

Ключевые слова: городище Шодмалик-ота, хумы, винная поэзия, Насир-и Хисрав, суфизм, идеология средневекового города, винодавильни

Bakhtiyar Babadjanov^{1*} and **Saida Ilyasova**¹

^{1*}corresponding author, Doctor of Sciences, National Center for Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan. E-mail: bbmir58@gmail.com

²visiting Chief Researcher of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

¹PhD, National Center for Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan. E-mail: akchuras@mail.ru

“Wine verses” on khums of the 12th century from the settlement of Shodmalik-ota

Arabographic inscriptions on large ceramic dishes of the Muslim period have not yet been found and have not been published, except for a few cases with manufacturers' stamps. In this article, for the first time in Central Asian archaeology, the texts on the rims of three khums of the second half of the 12th century, found in different years at the site of Shodmalik-ota (Tashkent region), are studied and interpreted. All inscriptions belong to the genre of the so-called “wine poetry”. The authors suggested reading and translating these poems with the necessary comments, as well as analyzing the texts from the point of view of the ideology of the handicraft “settlement” of the pre-Mongolian city, a topic that rarely becomes the subject of research. The authors focus on two main questions: is it possible to interpret these ruba’i “directly”, that is, as an open chanting of wine as a “healer of the soul”, despite religious restrictions? Or should these verses be considered in a metaphorical sense, as a consequence of the influence of the ideology of Sufism, in which the genres of “wine poetry” acquired a figurative meaning, changing the semantics of descriptions of a drunken state as a “response of the soul” to the knowledge of the True (God)? There is no preference for one or another interpretation in the article, and the authors believe that one did not exclude the other, referring to a number of archaeological finds of wine presses in Central Asia during the era of the “Muslim Renaissance”, as well as reports from a number of sources indicating that the consumption of wine remained a “hidden tradition” in different strata of society, despite religious restrictions.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574063.

For citation: Babadjanov, B., Ilyasova, S. 2024. Wine verses on khums of the 12th century from the settlement of Shodmalik-ota. *Kazakhstan Archeology*, 1 (23), 288–304 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.1.23.288.304](https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.288.304)

Бахтияр Мираимович Бабаджанов^{1*, 2},
Саида Равильевна Ильясова¹

¹корреспондент авторы, тарих ғылымдарының докторы, Өзбекстан Республикасы ҒА Ұлттық археология орталығы, Ташкент қ., Өзбекстан

Бахтияр Мираимович Бабаджанов^{1*, 2},
Саида Равильевна Ильясова¹

^{1*}автор-корреспондент, доктор исторических наук, Национальный центр археологии АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан

²шақырылған маман ҚР ҒЖБМ Ғылым комитеті Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институтының бас ғылыми қызметкері, Алматы қ., Қазақстан
¹тарих ғылымдарының кандидаты, Өзбекстан Республикасы ҒА Ұлттық археология орталығы, Ташкент қ., Өзбекстан

Шодмалик-ота қаласынан табылған XII ғасырдың хумдарындағы “шарап өлеңдері”

Мұсылман дәуіріндегі ірі қыш ыдыстардағы араб графикалы жазулар осы уақытқа дейін табылған да, жарияланған да жоқ, тек керамистердің мөрлері бар бірді-екілі жағдайды ғана кездестіреміз. Мақалада Орталық Азия археологиясында алғаш рет Шодмалик-ота (Ташкент аймағы) қаласынан әр жылдары табылған XII ғ. екінші жартысына тән үш хумның ернеуіндегі мәтіндер зерттеліп, талданады. Барлық жазулар «шарап поэзиясы» деп аталатын жанрға жатады. Бұл өлеңдерді қажетті түсініктеме бере отырып, оқу және аударумен қатар авторлар мәтінді өте сирек кездесетін зерттеу тақырыбы болып табылатын моңғолға дейінгі қаланың қолөнер «слободасы» идеологиясы тұрғысынан талдайды. Авторлар екі сұраққа баса назар аударады: бұл руба'иларды «тікелей», яғни діни шектеулерге қарамастан шарапты «жанның емі» ретінде ашық түрде түсіндіруге бола ма? Әлде бұл өлеңдерді «шарап поэзиясының» жанрлары ауыспалы мағынаға ие болатын, масайған күйде Ақиқат (Құдайды) тануда «ішкі жан-дүниені» сипаттаудың семантикасын өзгертетін, сопылық идеологияның әсері болып табылатын метафоралық мағына тұрғысынан қарастыру керек пе? Мақалада белгілі бір түсініктемеге басымдық берілмейді, авторлар «мұсылман ренессансы» дәуірінде Орталық Азиядағы шарап өндірушілердің бірқатар археологиялық олжаларын ескере отырып, біреуі екіншісін жоққа шығармайды деп санайды, сондай-ақ, бірқатар дереккөздерге сүйене отырып, діни шектеулерге қарамастан қоғамның әртүрлі топтарында шарап ішу «құпия дәстүр» болғандығы жайлы айтылған.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023-2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574063 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Бабаджанов Б.М., Ильясова С.Р. Шодмалик-ота қаласынан табылған XII ғасырдың хумдарындағы “шарап өлеңдері”. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 1 (23). 288–304-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2023.3.21.288.304](https://doi.org/10.52967/akz2023.3.21.288.304)

²приглашенный специалист в должности главного научного сотрудника Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова Комитета науки МНВО РК, г. Алматы, Казахстан

¹кандидат исторических наук, Национальный центр археологии АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан

“Винные стихи” на хумах XII века с городища Шодмалик-ота

Арабографичные надписи на крупногабаритной керамической посуде мусульманского времени до сих пор не были найдены и не публиковались, если не считать нескольких случаев со штампами керамистов. В этой статье впервые в центральноазиатской археологии исследованы и интерпретированы тексты на венчиках трех хумов второй половины XII в., найденных в разные годы на городище Шодмалик-ота (Ташкентский регион). Все надписи относятся к жанру т. н. «винной поэзии». Помимо чтения и перевода этих стихов с необходимыми комментариями, авторы анализируют текст с точки зрения идеологии ремесленной «слободы» домонгольского города – темы, которая крайне редко становится предметом исследований. Авторы акцентируют внимание на двух вопросах: можно ли интерпретировать эти руба'и «напрямую», то есть как открытое воспевание вина в качестве «лекаря души», несмотря на религиозные ограничения? Либо эти стихи следует рассматривать в метафорическом смысле как следствие влияния идеологии суфизма, в котором жанры «винной поэзии» обрели переносный смысл, изменив семантику описаний хмельного состояния в качестве «отклика души» на познание Истинного (Бога)? В статье нет предпочтения той или иной интерпретации, и авторы полагают, что одно другого не исключало, имея в виду ряд археологических находок винодавильен в Центральной Азии в эпоху «мусульманского ренессанса», а также известия ряда источников, свидетельствующих, что потребление вина оставалось «тайной традицией» в разных стратах общества, несмотря на религиозные ограничения.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023-2024, ИРН проекта BR18574063.

Для цитирования: Бабаджанов Б.М., Ильясова С.Р. “Винные стихи” на хумах XII века с городища Шодмалик-ота. *Археология Казахстана*. 2024. № 1 (23). С. 288–304.

[DOI: 10.52967/akz2024.1.23.288.304](https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.288.304)

1 Введение (Бабаджанов Б.М., Ильясова С.Р.)

Археологические артефакты с надписями считаются наиболее удачными и, как правило, уникальными находками. Например, основная часть согдийской или тюркской эпиграфики в Центральной Азии обнаружена в результате многолетних полевых работ (раскопки, разведки, подъемный материал и пр.).

К числу подобных находок следует отнести согдийские или рунические (тюркские) надписи на хумах, найденные на разных городищах, расположенных в историко-географической области, известной ныне как Семиречье или Таласская долина [Лившиц 2008: 353–368]. Как оказалось, они большей частью представляли собой тексты-посвящения либо дарственные надписи. Важно то, что надписи ясно идентифицировали назначение хумов – это хранилища для вина. В.А. Лившиц, опубликовавший эти надписи, датирует их (как и сами хумы) VIII–IX вв., а также IX – началом XI в. [Лившиц 2008: 355, 358, 365]. Автор предложил чтения и переводы надписей с важными историко-лингвистическими и культурологическими интерпретациями.

Надписи на керамической посуде (преимущественно парадной) домонгольского времени в Ташкентском оазисе были достаточно распространенным явлением, особенно в X–XII веках. В результате публикации, включившей в себя комплексное исследование этой посуды, доказано их исключительное значение в качестве источника по особенностям культуры средневекового города Центральной Азии [Ильясова и др. 2016: 379–519].

Особо следует отметить надписи на серебряной посуде X–XI вв., опубликованные Б.И. Маршаком [Маршак 1976]. Эта посуда, как доказал автор, происходит из Средней Азии. Часть этой серебряной посуды, судя по содержанию надписей, предназначалась для винопития. Однако не стоит упускать из виду, что серебряная посуда использовалась в среде аристократии. Публикуемые же ниже надписи связаны с сословиями ремесленников, в той или иной степени отражая их идеологию (см. подр. ниже).

Надписи на глазированной посуде X–XI веков (предположительно самаркандского производства) для вина с арабскими сентенциями и стихами «винного содержания» опубликованы покойным Абдуллахом Гочани. Если часть текстов на опубликованной автором посуде напоминает о религиозно-нравственных ограничениях, призывая к потреблению вина в меру, то другая часть вполне близка к персидской винной поэзии, с призывами «насладиться легким опьянением» [Ghouchani 1999: 141–150].

Что касается крупногабаритной посуды, в частности хумов с пространными надписями в арабской графике, то они обнаружены пока только на одном памятнике – Шодмалик-ота¹ (Аханганский р-н, Ташкентская обл.) [Шишкин 1940; Ильясова 2021а; 2021б]. Исследователи упоминали об этой находке венчиков хумов с надписями [Шишкин 1940: 61], однако ни чтения, ни публикации текстов не было предложено.

Несколько оттисков штампов с именами мастеров (куфическим почерком) на хумах из Семиречья найдены А.Н. Бернштамом [Бернштам 1948: 112]. Как отмечает исследователь, эти хумы (обнаруженные в жилом доме) датируются XI веком и функционально были связаны с виноделием [Бернштам 1950: 44–45]. Небольшая винодавильня XI–XII веков с хумом обнаружена в жилом доме на городище Алтынтепа в восточной части Кашкадарьинской области [Лунина 1984: 71–73]. Однако надписей на этих хумах не было.

Таким образом, публикации хумов с арабграфической эпиграфикой с каких-либо археологических памятников Центральной Азии до сих пор неизвестны. По этой причине публикуемые ниже надписи на хумах с городища Шодмалик-ота являются уникальными. Несмотря на то, что эти находки не были найдены в каком-либо конкретном здании, сюжет их текстов наводит на ряд культурологических размышлений.

¹ Варианты названия: Ша-Абду-Малик, Шад-Малик-Баба, Сад-Малик, Саль-Малик; археологические работы на мазаре проводились в 1928 и 1937 гг. Т.М. Миргиязовым, в 1935 г. М.Е. Массоном, в 1938 г. В. Шишкиным, Т. Миргиязовым и А. Кахаровым (обзор см.: [Шишкин 1940, 56, прим. 1, 59]).

Цель настоящей статьи – предложить чтения и комментированные переводы текстов на хумах с упомянутого памятника. Одновременно мы предлагаем более обширные интерпретации этих текстов, имея в виду как редкость находки, так и содержание текстов, которые, как мы полагаем, позволяют по-новому взглянуть на идеологию ремесленного сословия средневекового города Центральной Азии.

2. Материал и методы исследования (Бабаджанов Б.М.)

2.1. Методы исследования

Проблема культурологических и, в целом, антропологических интерпретаций археологических находок в качестве важной части исследований археологов поставлена еще в середине XIX века. Иными словами, археологи приходили к заключению, что не следует ограничиваться констатациями условий находок, их детальными описаниями, датировками и т. п. работой, но самостоятельно «классифицировать материал с точки зрения его культурного значения, вывести некие законы его существования и функционирования в обществе» [Клейн 2011: 98-99]. Это совершенно справедливо, поскольку только археолог может ясно представить себе условия и примерные способы и формы функционирования объекта из его раскопок.

Такая постановка проблемы была поддержана многими исследователями. Более того, археология естественным образом расширяла исследовательские границы, иницируя более расширенные задачи. Например, в том смысле, что археологи обязательно должны расширять модели интерпретации своего материала «в связи с историческими процессами и эволюцией культурных моделей» [Hodder & Hutson 2003: 1–25].

Подобные подходы ставят вопросы о приближении «классической археологии» к антропологическим наукам. Это сродни с методом комплексного подхода к интерпретациям функций и условий использования археологических артефактов. В особенности, когда речь идет о монетах, предметах с надписями, узорами, со специальными тамгами и т. п., когда необходимо расширить собственно интерпретационные парадигмы, одновременно привлекая специалистов других сфер антропологических наук.

В этой статье мы будем опираться на названные подходы и постараемся выйти за пределы устоявшихся («классических») моделей классификации предмета, ограниченной, чаще всего, констатациями исключительно бытовых или, скажем, культурных функций находок. Поскольку речь идет о надписях на хумах (случай, как сказано, уникальный), мы используем методологию интерпретации текста в его социальном, отчасти религиозном контекстах, имея в виду, что изучаемые стихи зафиксированы не на бумаге либо парадной посуде или оружии, а именно на предмете, который обращался в среде ремесленников и мог в той или иной мере отражать их мировоззрение, идеологические предпочтения. Иными словами, мы используем исторические и, шире, культурологические методы интерпретации собственно артефактов и особенно надписей на них.

2.2. Характеристика материала (Бабаджанов Б.М., Ильясова С.Р.)

В 1937 г. Т.М. Миргиязовым изучалось подземное сооружение из жжённого кирпича, которое традиционно считается местом последнего упокоения одного из предков суфийского мистика Зангиота – Абдумалика ходжи [Шишкин 1940: 59]. В ходе этих работ на северо-восточном склоне холма были найдены два венчика от хумов, на плоской поверхности которых имелись арабграфические надписи. По данным В.А. Шишкина, вместе с которым Т.М. Миргиязов продолжил исследования Шодмалик-ота в 1938 г., эти надписи были персидскими [Шишкин 1940: 61]. В брошюре, посвящённой Т.М. Миргиязову, приведены сведения о том, что среди находок, доставленных им в Центральный историко-революционный музей Узбекской ССР в Ташкенте, были фрагменты венчиков хумов с надписями [Минасянц, Алпаткина 2014: 24]. Именно они, по всей вероятности, и представлены в настоящее время в экспозиции Государственного музея истории Узбекистана (ГМИУ). В документации музея, к сожалению, не указано место их находки.

Третий объект нашего исследования – разбитый на четыре части венчик хума – найден в 2008 г. в ходе подготовительных работ по строительству современного здания мавзолея над упомянутым выше средневековым подземным сооружением. Ныне венчик хранится в фондах Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан (НЦА АН РУз). Типологическая общность, а именно аналогичная форма сосудов, редкая разновидность декора и сходство почерка не оставляют сомнений в том, что в коллекции ГМИУ хранятся именно находки Т.М. Миргиязова с упомянутого городища. Все они, несомненно, относятся к одной эпохе и, судя по палеографии надписей, два из них (хумы № 1 и 2) могут быть отнесены ко времени не позднее второй половины XII века. Третий хум может быть отнесен к началу XIII века.

Перейдем к подробному описанию объектов, начав с последней по времени находки. Здесь же предлагаются чтения, переводы и предварительные интерпретации текстов.

Венчик хума № 1

Хранится в фонде НЦА АН РУз. Диаметр 47.5 см. Текст написан на горизонтальной (верхней) плоскости венчика и скомпонован в четырёх картушах, разделённых прочерченными по сырой глине узорами в виде сформированных из полосок с ромбовидным заполнением стреловидных фигур, которые очерчены по краям аналогичными вертикальными полосками. Одна из строк повреждена (в конце текста) (рис. 1).

Судя по палеографии и манере писания, текст выполнен каллиграфом, который привык писать такого рода тексты, но не занимающимся тяжелым физическим трудом, так как физические нагрузки сильно огрубляют почерк, как это видно по надписи на хуме № 3 (см. ниже), которая выполнена, скорее всего, самим мастером.

Почерк – декоративный *дивани*, достаточно пластичных очертаний. Каллиграф использовал все декоративные возможности этого стиля, в котором могут соединяться не присоединяемые буквы арабского алфавита, а изящная пластика доминирует над точностью написания. Кроме того, в надписи отсутствуют диакритические точки. Этот стиль и особенности текстов усиливают декоративные качества почерка, одновременно заставляя угадывать слова по смыслу и контексту, которые, очевидно, были знакомы в той среде, в которой создан текст и на которую он был рассчитан.

Установлен автор этих стихов: Амир Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн ‘Абду-л-Малик Му‘иззи Нишапури – известен под именем Амир Му‘иззи (ум. в 1125 или 1127). Он жил и творил в своем родном Нишапуре. Касыда, откуда заимствован этот парный бейт, мистического содержания [Му‘иззи 2016: касыда № 319].

Каждая строфа (*мисра*) имеет парные рифмы с равным числом ударений в полустишиях. В.А. Лившиц полагал, что в таких формах персидских стихов можно усмотреть отголоски доисламского тонического стихосложения с равным числом ударений в полустишиях [Маршак 1976: 149, со ссылкой на мнение В.А. Лившица]. Тем не менее, в надписи на хуме ритмика (*аруз*) профессиональная, которую использовал в своем творчестве Амир Му‘иззи.

Однако каллиграф, записавший этот текст на хуме, очевидно, воспринял полустишия как отдельные строфы (*мисра*) руба‘и. Поэтому он разделил каждую строфу на два самостоятельных бейта и вписал их в два отдельных картуша (соответственно, две строфы стиха в четыре картуша). Ниже, между картушами, мы поставили одинарные слешы (/). Между строфами поставлены парные слешы (//). Текст:

بر جای رطل و جام می / گوران نهادهستند پی // بر جای چنگ و نای و نی / آواز زاغ است و زغن

Размер стиха: مُسْتَفْعِلُنْ.

Транслитерация: *Barjāirat̤l-ūjām-imay / Gūrānnihādeh-standpay / Barjāīchang-ūnāy-ūnāy / Awāzizāghānastwazagh*

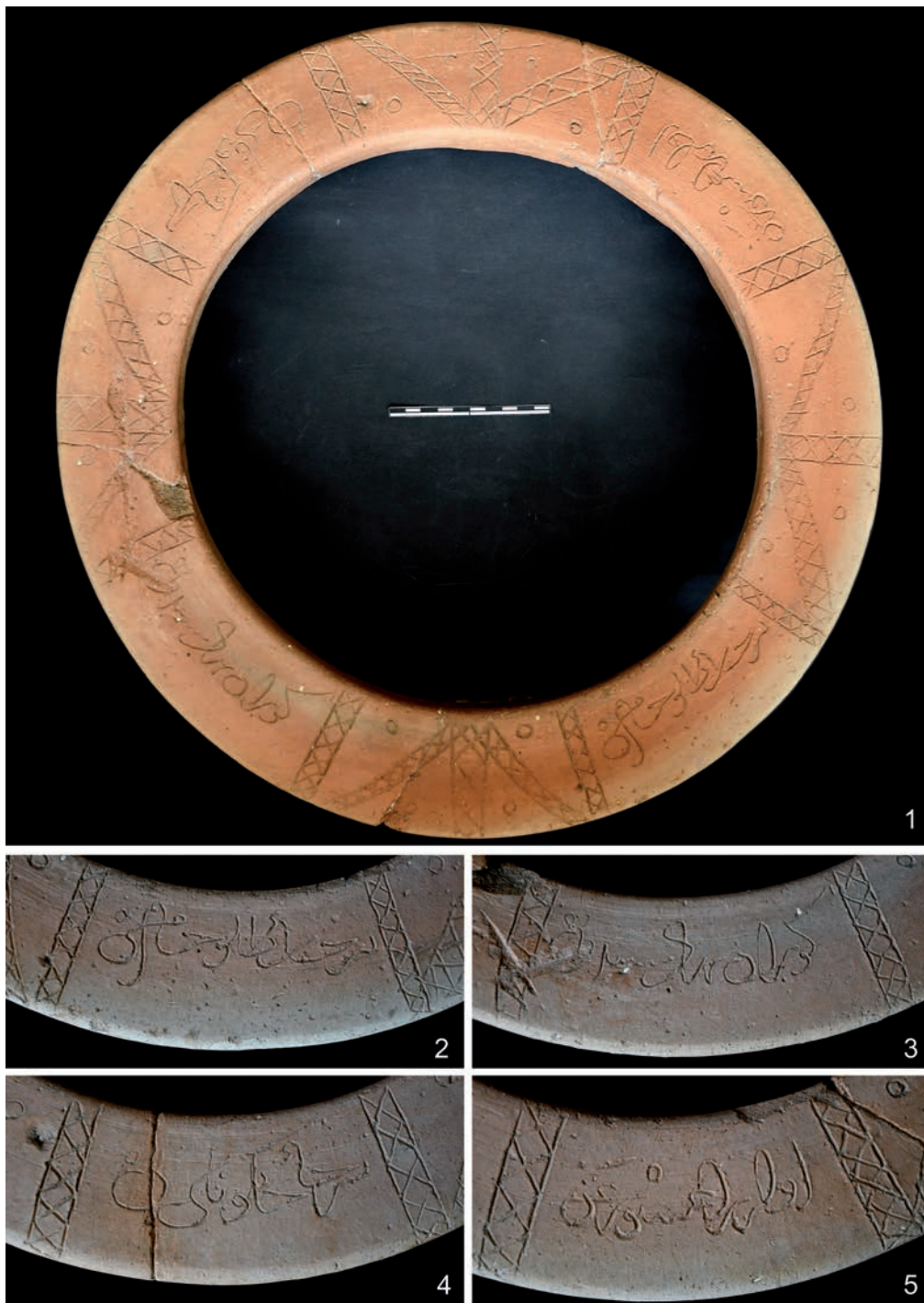

Рис. 1. Городище Шодмалик-ота. Надписи на венчике хума № 1: 1 – вид венчика;
2–5 – вид картушей с руба'и. Фото: Жангар Ильясов

1-сур. Шодмалик-ота қаласы. № 1 хумның ернеуіндегі жазулар: 1 – ернеу түрі;
2–5 – руба'и жазылған картуштардың түрі. Фото: Жангар Ильясов

Fig. 1. Archaeological site of Shodmalik-ota. Inscriptions on the rim of khum nr. 1: 1 – general view of the rim;
2–5 – view of cartouches with the ruba'i. Photo: Jangar Ilyasov

Перевод: Места для чаши и кубков с вином, / Растоптали язычники. // На месте, где звучали чанг², флейта и свирель, / Слышны голоса ворон и коршунов.

Венчик хума № 2

Хранится в ГМИУ (Коллекция 7/81, инв. № А-34-50). Диаметр 41 см. Возможно, из-за переобжига, этот хум имеет чёрный цвет. Из трёх рассматриваемых нами сосудов у него наиболее богатый декор: основание венчика декорировано волнообразным рельефом, картуши с надписями обрамлены всё теми же полосками с ромбовидным заполнением, как у предыдущего сосуда, хотя здесь из них составлен более сложный узор в виде пересекающихся V-образных фигур, взятых в вертикальные рамки. Кроме того, декор дополнен оттисками штампа в виде восьмилепестковых розеток и кружками с точкой в центре (рис. 2).

Стиль почерка – скорописный *дивани*. В отдельных случаях (особенно во второй и третьей строках) надпись процарапана крайне небрежно, отчего чтение оказалось спорным, либо вовсе невозможным. Хотя каллиграф явно имел опыт написания подобных текстов. В силу фрагментарности чтения не удалось определить размер стиха.

Текст:

آن... برحیژ زد کوه / آن عشق من (؟) ... همد ... (؟) زد کوه // در زمان مارا اماره (؟) / آن جام جم پر و زد کوه

Транслитерация: *Ān ... bar-hiz-u zad kūh / Ān 'ishq-iman (?) h-m-d ... (?) zad kūh / Dar zāmān mā-rā amārah (?) / Ān jā-m-i Jām pur wa zad kūh.*

Перевод: Это ... поднимись и свали гору // Это моя любовь [к Богу] ... свалила гору! // Во все времена нам повеление: // «Наполни чашу вином и свали гору».

Венчик хума № 3

Хранится в ГМИУ (Коллекция 7/82, инв. № А-34-51). Диаметр 49 см. Строчки содержат больше слов, чем в предыдущих стихах, соответственно, почерк надписей более мелкий. Картуши с ними разделены все теми же вертикальными полосками с ромбами, между которыми изображены розетки с восемью лепестками, четырьмя крупными и четырьмя мелкими (рис. 3).

Надпись, как и на остальных хумах, нанесена по сырой глине на горизонтальной плоскости венчика. Почерк, в отличие от описанных выше первых двух хумов, угловатый курсив, который сложно датировать, так как палеографически этот почерк не сильно менялся на протяжении столетий.

Ясно также то, что писавший этот текст человек не был профессиональным каллиграфом. Скорее всего, это был сам керамист, чья рука, обременённая тяжёлым физическим трудом (или, как говорят каллиграфы – «отяжелевшая»), не могла придать надписи то изящество и пластичность, какие мы видим в надписях на двух вышеописанных хумах. Другая особенность текста – отсутствие буквенных точек и иных диакритических знаков, что является признаком эпиграфики вообще (монументальной, на посуде и иных предметах быта) домонгольской эпохи. Хотя курсивный почерк (несмотря на грубоватые очертания) способствовал более упрощённому чтению, чем тексты на глазурированной посуде тех же эпох. Эти обстоятельства тоже могут свидетельствовать о том, что пишущий текст керамист рассчитывал на осведомлённую аудиторию, которая могла без огласовок прочесть (угадать) исходный текст.

Как сказано, курсивный почерк не позволяет сделать какие-либо заключения по поводу его датировки. Форма хумов также консервативна, почти не менялась на протяжении многих столетий, что тоже делает зыбкими предположения о дате изготовления. Более точные предположения можно выдвинуть, если иметь в виду, что автор стихов установлен точно. Это один из корифеев персид-

² Чанг – инструмент, напоминающий арфу, однако не щипцовый, а ударный.

Рис. 2. Городище Шодмалик-ота. Надписи на венчике хума № 2: 1 – вид венчика;
2–5 – вид картушей с руба’и. Фото: Бахтияр Бабаджанов

2-сур. Шодмалик-ота қаласы. № 2 хумның ернеуіндегі жазулар: 1 – ернеу түрі;
2–5 – руба’и жазылған картуштардың түрі. Фото: Бахтияр Бабаджанов

Fig. 2. Archaeological site of Shodmalik-ota. Inscriptions on the rim of khum nr. 3: 1 – general view of the rim;
2–5 – view of cartouches with the ruba’i. Photo: Bakhtiyar Babadjanov

Рис. 3. Городище Шодмалик-ота. Надписи на венчике хума № 3: 1 – вид венчика; 2–5 – вид картушей с руба'и. Фото: Бахтияр Бабаджанов

3-сур. Шодмалик-ота қаласы. № 3 хумның ернеуіндегі жазулар: 1 – ернеу түрі; 2–5 – руба'и жазылған картуштардың түрі. Фото: Бахтияр Бабаджанов

Fig. 3. Archaeological site of Shodmalik-ota. Inscriptions on the rim of khum nr. 3: 1 – general view of the rim; 2–5 – view of cartouches from the ruba'i. Photo: Bakhtiyar Babadjanov

ской поэзии Афзал ад-дин Ибрахим ал-Хакани (1120–1199) [Хакани 2016: касида 200, первые два бейта].

Текст скомпонован в четырёх отдельных картушах, разделённых, как в вышеописанных случаях, декоративными композициями. Поверхность хума сильно потёрта (видимо от крышки), что отразилось и на надписи, которая в отдельных случаях стала нечёткой и читается неуверенно.

Ниже приведен текст этого хума и его комментированный перевод. В тексте на хуме первая и четвертая мисры (строфы) перепутаны местами (по сравнению с книжными вариантами). Кроме того, имеются некоторые разночтения с опубликованным текстом [Хакани 2016: касида № 200]. Эти разночтения указаны в комментариях. Исходя из презумпции правоты оригинального текста, мы сохранили тот порядок миср, который зафиксирован в надписях на хуме. Это же касается разночтений, которые сохранены (даже в случаях спорного чтения), но сопровождаются комментариями (под латинскими литерами «А», «В» и т. п.) и со ссылкой на опубликованные варианты текста.

Текст:

آن ماه نو طغراش بین گرمروز B(?) درکار آمده // بر چرخ برین از جام جم یک نیمه دیدار آمده

عيد آمد از خلد برین شد شحنة روی زمین // عيد است پیش از صبح مژده بخمار آمده

Транслитерация: *Ān māh-i nawṭughrāash bayni garm-rūz (?) darkār āmadeh / Bar charkh-i barīnjām-i Jāmyak-nīmehdārāmadeh / 'Id āmad az Khuld-i barīn shud shkhneh-yi rūyī zamin/ 'Id ast pīsh az ṣubh mijdeh b-khummār āmadeh.*

Размер стиха: مُسْتَفْعِلُنْ.

Перевод: Эта печать Нового месяца должна появиться в жаркий день^C, // В коловращении эпох ради кубка Джемшида^D придет кто-нибудь // Снизошел праздник^E из рая, очищая Землю // Это же праздник, и потому это радостные вести для вино торговцев^F.

Комментарии к тексту и переводу: **A)** В опубликованном тексте: «هان»; **B)** В опубликованном тексте: «امروز». Надпись на хуме в этом месте читается неуверенно. Кроме того, что рубаи написано на память, отчего и появились небольшие разночтения; **C)** Если учесть упомянутые разночтения, то перевод этой мисры (по книжным вариантам) должен быть таким: «Да, печать нового дня должна появиться в полдень»; **D)** В иранской мифологии Джемшид (Джемшид) четвертый царь династии Пишдадидов. В «Шах-наме» Фирдоуси – образец справедливости и разумного правления. По легенде его кубок был всегда полон вином. В мистической (суфийской) поэзии на персидском и позже на тюркском языках вино и знаменитая чаша Джемшида обрели метафорический смысл, как «вино и кубок постижения Истины (Бога)»; **E)** Здесь «عيد/Ийд» (в просторечье – Хайит). Праздник в день разговения в последний день месяца рамадан. **F)** Вариант чтения: «به خمار» (для пьяниц).

Очень близкий текст обнаружен в сборнике газелей (*Дивāн*) Хисрова Дехлеви, точнее в первых двух бейтах произведения [Дехлеви 2016: газель 172]. Это же обстоятельство указывает на то, что тема газели была популярна.

Как сказано, мастер, оставивший надпись, писал явно по памяти, возможно в том виде, которым текст много раз передавался из уст в уста. Это тоже могло стать причиной орфографических особенностей, перемены места строк и т. п. Можно предположить, что изменения в тексте появились как результат многократных устных трансмиссий, при которой книжная поэзия упрощалась и из неё исчезали наиболее сложные термины (чаще всего арабизмы) и обороты. Не исключено также, что керамист, будучи грамотным человеком, попытался переписать эти стихи с другого хума, текст которого был написан более изящно. Тогда надо допустить, что ещё одним автором упрощённых вариантов «винной классики» были профессиональные каллиграфы, чьи каллиграфические тексты послужили для дальнейших копий.

3 Обсуждение, некоторые результаты (Бабаджанов Б.М.)

Таким образом, все три текста представляют собой т. н. «винные стихи». Исследователи давно пришли к выводу, что воспевание вина (*хамр*, *бāда*, *май*; согдийское: *tdw*; тюркское: *ṣayug*), как одного из самых популярных топосов (жанровых направлений) в персидской и в тюркской поэзии, своими корнями уходит в доисламскую эпоху [Dela Vaissière 2010: 270–275]. Однако и в исламскую эпоху, несмотря на запреты, винная поэзия на персидском и тюркском языках широко использовала традицию воспевания вина и винных застолий, полученные в наследство из музыкально-песенных жанров прежних эпох [Кошғарий 1962: 273; Hanaway 1988: 69–80; Чалисова 2001: 126–134; Meisami 2003: 31–33. В этих работах ссылки на обширную литературу]. Не лишне напомнить помпезные описания у средневековых арабских авторов пиршеств во дворцах Халифов [ас-Сули, 1998: 12, 183–184; ал-Исфахани 1980: 73–74 и др.].

Не оспаривая влияния персидской и арабской поэзии классического периода на формирование особых топосов с «винной поэзией», мы полагаем, что не стоит игнорировать региональные и локальные (в нашем случае – согдийские и тюркские) традиции как в изготовлении вина (или других алкогольных напитков), так и в его популярности и даже сакрализации, например, в использовании в зороастрийских ритуалах, помимо знаменитой *хаомы* или вместе с ней [Dhabhar 1955: 181–195].

Кроме того, судя по упомянутым выше согдийским надписям на хумах из Семиречья, изготовление и потребление вина было обычным делом в VIII–IX вв. Стоит обратить внимание, что это ранняя исламская эпоха для региона ЦА. Более того, сами надписи содержат в себе информацию о функциональном назначении хумов (согдийское *t'yr' / taḡāra* – большой глиняный сосуд), как сосудов для хранения вина [Лившиц 2011: 354–355, 357–360]. Правда, регион Семиречья в то время был «островком», где новые исламские нормы религиозной морали еще не прижились.

Период развитого средневековья также даёт археологические свидетельства изготовления вина в разных регионах ЦА. Напомним публикацию С.Б. Луниной о раскопках домашней винодельни в одном из домов на городище Алтынтепе в Кашкадарьинской области [Лунина 1984: 71–73]. Устройство для выдавливания виноградного сока раскопано в доме XI в. на городище Красная речка в Чуйской долине [Бернштам 1950: 44]. Эти материалы – подтверждение того факта, что несмотря на религиозные предписания, мусульманские богословы не смогли добиться полного запрета потребления спиртных напитков, особенно во дворцах правителей, где поэтические вечера и иные торжества проходили под обильное потребление опьяняющих напитков. Более того, среди богословов-правоведов (*фукаха*) не было единства по поводу запрета потребления некоторых спиртных напитков (в первую очередь вина), что вызвало многовековые дискуссии в богословской литературе [Бабаджанов 2010: 592–602].

Если вернуться к поэтической традиции, во всех этих случаях речь идёт о прямом заимствовании описания качеств вина, и пышных рассказах о винных застольях, как это часто встречается, например, в эпосе «Шах-наме» Фирдоуси [Фирдоуси 1993: 459–592]. Такая же выпяченная похвала вину как «целителю души и тела» занимает значительное место в творчестве Рудаки (860–941), особенно в его поэме «Мать вина / *مادر مي*» [Рудаки 2016: № 89]. Оба поэта описывали свойства вина не просто как метафору, а как реально потребляемый напиток. Более того, стиль и «застольная этика» их произведений была заимствована многими придворными историками, которые никак не упоминали о богословской критике винных пиршеств знати в контексте религиозных ограничений. Хотя даже такое толкование вина «напрямую» обыгрывалось в назидательном ключе, по крайней мере с призывами к умеренности [Meisami 2003: 31–33, 37–40 и дальше]. Сошлёмся также на пример упомянутого Манучехри. Как заметил исследователь его творчества Вильям Ханевей, Манучехри «ощущал себя вполне комфортно, когда писал при [газневидском султани] Мас'уде свои винные стихи». В. Ханевей полагает, что Манучехри писал эти стихи вне их мистических смыслов, без поучительного тона. Исследователь задаётся вопросом «неужели была потребность оправдать производство и потребления вина при мусульманских дворах Ирана?» Автор полагает, что ответ неясен и что поэты той эпохи, кто обращался к «винной теме», вполне осознавали противоречия между

традицией (культурой) винопития и исламскими доктринами. Хотя одновременно в сельджукидский, газневидский и монгольские периоды в богословской литературе были попытки доказать, что вино потреблялось в период жизни Пророка, несмотря на запреты [Hanaway 1988: 71-72].

Известно, что с появлением и эволюцией мистико-философского движения в мусульманском мире и его активного распространения, поэзия становится самым мощным, доходчивым и потому действенным инструментом популяризации суфизма. В этой поэзии вырабатывается собственный язык символов, аллегорий и других «лексических единиц», которые получили название «птичьего языка» (арабск. «*мантик ат-тайр*», перс. «*забан-и мурган*», тюркск. «*кушлар тили/дили*») [Meisami 2003: 440–444; Рейснер 2011: 101-102].

В этой поэзии воспевание вина и всех связанных с этим ощущений обретают новое звучание, а семантика «образа» вина стала наполняться всё более и более метафорическими и иносказательными доминантами. Они ознаменовали появление иных вариаций «винного топоса», с его новыми аллегориями в понимании этого жанра. Иными словами, суфийская идеология закрепила за вином новые символы. Оно стало метафорой «опьянения от постижения Истинного Аллаха», а хмель – как проявление «открытия пути к Всевышнему» и др. Хмель, хмельное состояние и тому подобные обозначения со временем обрели метафорический смысл, который стал обычным для суфийской поэзии. Так появился жанр «*Саки-наме*» («Книга виночерпия»), основоположником которой считался поэт Низами [Рейснер, Чалисова 2007 213–215; Чалисова 2011: 127–148]. Однако даже при таком изменении символов и аллегорий «винной поэзии», её прямой смысл, заложенный у поэтов вроде Рудаки, сохранялся.

Новая идеология, как и сама мистическая поэзия, зародились за пределами дворцовой и придворной поэзии, став популярной в более низких стратах городов, особенно среди ремесленников. Вместе с этим «винная тема» дворцовой поэзии обрела новые звучания и смыслы. Это означало не только расширение социальной базы суфизма, но привело к расширению числа «создателей и потребителей» мистической поэзии, которая вполне отвечала запросам городских жителей. По замечанию М.Л. Рейснера, «*Торгово-ремесленные слои населения средневекового мусульманского города становятся на первых порах если не авторами, то заинтересованными слушателями и искренними последователями тех [суфийских] проповедников нового типа, которые использовали поэзию для пропаганды религиозных учений. Цеховая организация ремесленников стала той социальной структурой, в которую легко инкорпорировались складывавшиеся на протяжении VIII–IX вв. суфийские братства, нередко руководимые как раз главами ремесленных корпораций*» [Рейснер 2015: 46-47].

С точки зрения этого наблюдения, очевидно, что приведённые стихи на хумах можно и нужно рассматривать как прямое следствие распространения идеологии суфизма в «слободе» домонгольского города. Об этом явлении (как части идеологии разных социальных сословий средневековых горожан) в письменных источниках известий почти не встречается. Поэтому публикуемый здесь материал важен как ещё одно (пусть небольшое) «окно» в тонкости урбанистической культуры в самом широком смысле этого понятия, например, с точки зрения духовных предпочтений простых горожан и ремесленников. Тем более что хумы не входят в разряд парадной посуды, покупатели и потребители которой принадлежали к высшим слоям общества. Крупногабаритная посуда бытового предназначения (хумы, котлы и т. п.) едва ли когда-то попадала на глаза аристократии. Будучи произведённой в среде ремесленников (цеха?), в дальнейшем эта посуда использовалась такими же ремесленниками (в зависимости от функций этих хумов, о чём подробнее будет сказано ниже).

Однако можно ли считать, что приведённые стихи понимались мастерами или каллиграфами (равно как и покупателями и потребителями хумов) исключительно в метафорическом (суфийском) смысле, что должно полностью исключить использование этих хумов именно как винных сосудов? Попробуем поискать ответ, более внимательно обратившись как к самим хумам, так и к некоторым данным из письменных источников.

Авторство стихов не установлено только на хуме № 2. Однако его почерк вполне профессионален, а надпись написана каллиграфом среднего уровня. Это обстоятельство может натолкнуть на мысль, что каллиграф сам был автором этих стихов. Одновременно не исключено, что состави-

тель этого стиха (имеющего скорее фольклорный вид) происходил из среды ремесленников, или, по крайней мере, не был профессиональным поэтом.

Что касается текстов на хуме № 3, он важен с двух точек зрения. Во-первых, он написан самим мастером и, как мы постарались доказать выше, это руба'и записывалось по памяти, знавшего наизусть стихи популярного поэта. Следовательно, стихи винного жанра обращались в среде простых горожан. Во-вторых, записывая эти руба'и именитого поэта ал-Хакани (которого почитали в среде суфиев) на обычном хуме, мастер зафиксировал не только своё знание некоторых образцов творчества великого поэта, но наверняка рассчитывал на потенциального покупателя и/или пользователя этого хума, которым, очевидно, были знакомы и близки как тема стихов, так и их контекст. Поэтому текст без диакритических знаков нужно было угадывать. Это легко сделать, если читающий, так сказать, «в теме», либо просто знает наизусть эти стихи.

Обратим внимание на ещё одно обстоятельство, связанное с датировкой хума № 3. Дата смерти Хакани (автора стихов на хуме) – 1199 г. Сейчас трудно сказать – насколько быстро стихи Хакани могли обрести популярность, особенно в среде городских ремесленников, в отдалённом от Тавриза (где он жил) регионе Ташкентского оазиса. Мы так же мало имеем представление – каким образом и, главное, – как быстро могли распространяться плоды творчества популярных поэтов того времени. Однако интеллектуальная коммуникация (в том числе, обмен или покупка копий рукописей) могла осуществляться разными путями: обмен рукописями во время хаджжа, распространение их через бродячих суфиев, торговцев. Одновременно, по археологическим данным, хум является частью комплекса крупногабаритной посуды до-монгольского (или пред-монгольского) времени городища Шодмалик-ота. Следовательно, для того, чтобы стихи ал-Хакани появились в ремесленной среде этого города, могло понадобиться не менее 20 лет. Поэтому изготовление этого хума (равно как и его надписи) можно отнести ко времени буквально за несколько лет до начала монгольского завоевания (1220), когда город был завоеван.

Все три случая показывают, что «заказчиками» стихов, точнее их жанра, были несомненно сами мастера, которые могли руководствоваться запросами рынка, или, возможно, выполняли требование от заказчиков этих хумов. Эти наблюдения, в свою очередь, порождают ряд других вопросов, так или иначе касающиеся функционального предназначения этих хумов. Например: какой смысл имели стихи – прямой или аллегорический? Если хумы не предназначались для вина (имея в виду богословские ограничения), то почему на них были написаны именно «винные стихи»? Или одно другого не исключало? Между тем, подавляющее большинство поэтов и историков эпохи мусульманского ренессанса вполне спокойно описывали пиршества знати, писали «винные стихи», которые понимались и толковались «напрямую», то есть в стиле «винной поэзии» ранней исламской эпохи. Конечно, суфийская идеология «перекроила» смыслы винной поэзии, как это показано выше. Но обширная социализация суфийской идеологии не могла означать полного отрешения от былых традиций потребления алкогольных напитков (особенно в среде политической аристократии), которое, как это было доказано исследованиями, продолжалось в эпоху ханств в государствах ЦА [Бабаджанов 2010: 595–602].

По крайней мере, если мы принимаем версию, что представленные выше хумы использовались для изготовления вина, то мы неизбежно сталкиваемся с рядом других вопросов технологического порядка. Например, как использовались хумы в изготовлении вина? В доступных нам исторических источниках прямых известий по этому поводу обнаружить не удалось. Однако, опираясь на упомянутые выше археологические примеры, можно полагать, что хумы вполне могли использоваться как в процессе выдавливания виноградного сока, его брожения, так и для хранения готовой продукции.

Указания на это можно обнаружить в самих стихах о вине. Самое красноречивое описание процесса его изготовления мы находим в упомянутой поэме «Мать вина» Рудаки, естественно, изложенные в своеобразной поэтической форме. В первых же бейтах поэт, прибегая к метафорическим сравнениям, по сути дела излагает технологию приготовления вина, в котором главный вспомогательный (или рабочий) сосуд – хум (خم).

Рудаки пишет, что виноград, «оторванный от матери-лозы», раздавлен и брошен в темницу (*зундан*). Очевидно, имеются в виду сбор урожая и давление кистей. То есть подготовка к брожению. Поэт отмечает срок брожения – 7 дней. Затем (в той же поэтической форме) описаны стадии очистки от пены и осадков, что растягивается на 1-2 месяца (судя по контексту). После очистки «страж сверкающего вина» *закупоривает хум* (!) и «запирает дверь темницы» (места хранения вина). Открыть «темницу» (подвал) и вскрыть хум рекомендуется только более чем через год, между «началом весны» (*нав-бахор/نو بهار*) и серединой апреля (*нима-йи Нисан/نیمه نیشان*), и тогда «родник вина заблещет пред тобой» [Рудаки 1998: бейты 1–16].

Мы полагаем, что приведённых наблюдений и беглого анализа достаточно, чтобы допустить вполне возможное использование хумов с городища Шодмалик-ота именно в качестве сосудов для изготовления и затем хранения вина. Тогда мастера могли вкладывать в написанные ими «винные стихи» прямой смысл, понимая их мистическую подоплёку, связанную с суфийской идеологией, которая занимала свою нишу в социальной этике средневекового города Центральной Азии.

Одновременно может возникнуть вопрос о том, что рассмотренные здесь надписи на хумах случай уникальный и может быть отнесён к разряду случайных, особенно, если иметь в виду, что хумы (а чаще их фрагменты) – не редкая находка на археологических раскопках в ЦА. Во-первых, малочисленность не должна означать, что ещё не будет найдено такого рода посуды с надписями (мы надеемся, что теперь археологи будут обращать особое внимание на такого рода надписи не только на парадной, но и на кухонной посуде. А их обнаруживают нередко, судя по информации наших коллег). Во-вторых, особенность археологических находок такого рода в том, что они крайне редко попадают в публикации, часто в силу того, что специалистов, читающих такие надписи, немного. Ведь два из опубликованных здесь венчика хумов уже почти целый век хранились в музее! В-третьих, почерки надписей на упомянутых музейных хумах вполне профессиональные. Иными словами, оставившие эти две надписи каллиграфы имели опыт написания такого рода текстов.

4 Выводы (Бабаджанов Б.М.)

Таким образом, перед нами яркий и весьма символический пример, когда винная поэзия (независимо от её толкования) стала жанром эпиграфики на бытовой посуде, создателем и «потребителем» которой были ремесленники домонгольского города Ташкентского оазиса. Учитывая прошлые публикации, о которых говорилось выше, главное (но, очевидно не единственное) функциональное назначение хумов, как в доисламскую эпоху, так и в исламское время, было связано с виноделием.

Конечно, исследования в этом направлении ещё предстоит продолжить. Однако до проведения более обширных изысканий (возможно дискуссий) следует отказаться от неприемлемого конструктивизма в отношении к прошлому. Например, не стоит полагать, что жители исламских городов средневековья всегда были ограничены ригористическими (религиозными) предписаниями, которые они могли понимать иначе, чем это толкуется в сегодняшних реалиях, обогащённых обширными религиозно-интеллектуальными коммуникациями и доступностью информации из области т. н. «теоретического ислама».

Иными словами, выбранный нами для данной публикации материал уникален не только самим фактом исключительности «винных стихов» на хумах, но также и тем, что способен провоцировать более обширные дискуссии, в том числе касающиеся форм городской культуры домонгольского времени, господствующих норм этики среди простых горожан, их понимания морали и т. п. Именно здесь археология, мы уверены, станет одним из самых надёжных источников для выполнения антропологических задач в более детальных исследованиях обществ прошлого.

Благодарности. Благодарим директора ГМИУ Ж.Х. Исмаилову и сотрудника музея В.С. Минасянца за возможность опубликовать находки из коллекции Т.М. Миргиязова. Мы признательны руководителю Ташкентского отделения Международного благотворительного фонда «Олтин мерос» З.А. Эшмирзаевой за передачу ценной находки в фонды НЦА АН РУз. Мы признательны старшему научному сотруднику Института истории Академии наук Республики Узбекистан Ф.М. Махмудову за помощь в определении размера стихов / *вазн*.

Знаки/буквы транслитерации: Ā ā – اَ / آ; Ī ī – ي (с гласными – y); Dd – ض; Hh – ح; Şş – ص; T t – ط; Zz – ظ; ū – و (между гласными и в отдельной позиции – w); kh – خ; gh – غ; q – ق; h→ (во вспомогательных глаголах и предлогах – i); ‘– ع; ’ – ا.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Абу-л-Фарадж ал-Исфахани. Книга песен / Пер. с арабск. А.Б. Халидова, Б.Я. Шидфар. М.: Гл. ред. вост. лит., 1980. 671 с.
- 2 Амир Му‘иззи – Амир Абу Абдуллах Мухаммад ибн Абду-л-Малик Муиззи Нишапури. 2016. Газели // Ganjoor Library (Библиотека персидской поэзии). URL: <https://ganjoor.net/amir/ghasa/sh319> (дата обращения: 10.06.2023 г.).
- 3 *Бабаджанов Б.М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Ташкент: Yanginashr, 2010. 744 с.
- 4 *Бернштам А.Н.* Новые эпиграфические находки из Семиречья // Эпиграфика Востока. 1948. № II. С. 107-113.
- 5 *Бернштам А.Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» / МИА, № 14. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. 160 с.
- 6 Дехлеви – Амиир Хосров Дехлеви. 1996. Газели / Ganjoor Library (Библиотека персидской поэзии). URL: <https://ganjoor.net/khosro/gozide/ghazalamkh/sh1720> (дата обращения: 14.05.2023 г.).
- 7 *Ильясова С.Р.* Шодмалик ота – памятник эпохи Караханидов в Илаке // Археология Узбекистана. 2021а. Вып. 1 (24). С. 33-41.
- 8 *Ильясова С.Р.* Общность традиций в материальной культуре памятников бассейна Средней Сырдарьи на примере Ташкентской области и Южного Казахстана // Смагуловский сборник. Специальный выпуск Вестника Международного Института Центральноазиатских исследований. Вып. 32. Самарканд: МИЦАИ, 2021б. С. 53-61.
- 9 *Ильясова С.Р., Ильясов Дж.Я., Имамбердыев Р.А., Исхакова Е.А.* «Нет блага в богатстве ...». Глазуванная керамика Ташкентского оазиса IX–XII ввек. М.: Фонд Марджани, 2016. 596 с.
- 10 *Клейн Л.С.* История археологической мысли. Т. 2. СПб.: Санкт-Петербургского ун-та, 2011. 624 с.
- 11 Кошгарий, Махмуд. Туркий сўзлар девони (Девони луғатит турк). Уч томлик. II том. С. Муталибов таржимаси ва нашри. Тошкент: ЎзФА нашриёти, 1962.
- 12 *Лившиц В.А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 414 с., илл.
- 13 *Лунина С.Б.* Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент: Фан, 1984. 194 с.
- 14 *Маршак Б.И.* Серебряные сосуды X–XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Искусство и археология Ирана. 1976. № II. С. 148-173.
- 15 *Минасянц В.С., Алтаткина Т.Г.* Т.М. Миргиязов – малоизвестное имя в среднеазиатской археологии. Ташкент: “Uz FA nashriyoti”, 2014. 40 с.
- 16 *Рейснер М.Л.* Средневековый город в «сокровенном языке» персидской поэзии (XI–XIV вв.): социальная и конфессиональная лексика // Культурно-историческая парадигма и языковые процессы / Отв. ред. В.Я. Порхоновский, Н.Н. Семенов. М.; Калуга: Эйдос, 2011. С. 91-127.
- 17 *Рейснер М.Л.* Персидская религиозно-мистическая поэзия XI–XV вв. Учебное пособие. Казань: Казанский федеральный университет, 2015. 224 с.
- 18 *Рейснер М.Л., Чалисова Н.Ю.* Персидская классическая лирика: к проблеме генезиса // Лирика: генезис и эволюция / Сост. И.Г. Матюшина, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2007. С. 175–231.
- 19 Рудаки. 1998. Матъвина (ماتر مي) // «GanjoorService/Persian-Literature. (Библиотека персоязычной литературы «Ганджур»). URL: <https://ganjoor.net/roodaki/baghimande/sh89> (дата обращения: 14.05.2023 г.).
- 20 Ас-Сули, Абу Баقر Мухаммад. Китаб ал-аврак. Критический текст и пер. на рус. яз. В.И. Беляева и А.Б. Халидова; Предисл., примечание и указатели А.Б. Халидова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 672 с.
- 21 Фирдоуси. Шахнаме / Издатели: Ц.Б. Лахути, А. Лахути, А.А. Стариков. Пер. Ц.Б. Лахути. М.: Ладомир, 1993. Т. I. 500 с.
- 22 Хакани – Афзал ад-дин Бадил Ибрахим ибн Али. 2016. Газели / Ganjoor Library (Библиотека персидской поэзии). URL: <https://ganjoor.net/khaghani/divankh/ghasidekh/sh200> (дата обращения: 10.06.2023 г.).
- 23 *Чалисова Н.Ю.* «Вино – великий лекарь». К истории персидского поэтического топоса // Вестник РГГУ. 2011. № 2. С. 126-157.

- 24 Шишкин В.А. Мазар Ша-Абду-Малик // Изв. Узбекистанского филиала АН СССР. 1940. № 8. С. 56–61.
- 25 De la Vaisière, Étienne. «Oncles et frères: les qaghans Ashinas et le vocabulaire turc de la parenté» // Turcica. 2010. Vol. 42. Pp. 267-278.
- 26 Dhabhar B.N. Use of Wine in Zoroastrian Rituals // Essays on Iranian Subjects. Bombay, 1955. Pp. 181–195.
- 27 Hanaway W.L. Blood and Wine: Sacrifice and Celebration in Manuchihri’s Wine Poetry // Iran. 1988. 26. Pp. 69–80.
- 28 Hodder, Ian & Hutson, Scott. Reading the past. Current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 (3rd edn). 293 p.
- 29 Ghouchani A. Some 12th Century Iranian Wine Ewers and Their Poem // Bulletin of the Asia Institute. New Series. 1999. Vol. 13. Pp. 141-150.
- 30 Meisami J.S. Structure and Meaning in Medieval Arabic and Persian Poetry. London: Routledge Curzon, 2003. 524 p.

REFERENCES

- 1 Abu-l-Faradj al-Isfahani. 1980. *Kniga pesen / Per. s arabskogo A.B. Halidova, B.Ya. Shidfar (Abu-l-Faraj al-Isfahani. Book of Songs / Translated from Arabic by A.B. Khalidova, B.Ya. Shidfar)*. Moscow: “Glavnaya redakciya vostochnoi literatury” Publ. (in Russian).
- 2 Amir Mu‘izzi – Amir Abu Abdullah Muhammad ibn Abdul-Malik Muizzi Nishapuri. 2016. In: Persian-Literature. (Library of Persian Literature «Ganjoor»). URL: <https://ganjoor.net/amir/ghasa/sh319> (accessed: 06/10/2023) (in Persian).
- 3 Babadjanov, B. M. 2010. *Kokandskoe hanstvo: vlast, politika, religiya (Kokand Khanate: Power, Politics, Religion)*. Tashkent: “Yangi nashr” Publ. (in Russian).
- 4 Bernshtam, A. N. 1948. In: *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East)*, II, 107-113 (in Russian).
- 5 Bernshtam, A. N. 1950. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)*, 14, 1-160 (in Russian).
- 6 Dehlavi – Amiri Hosrov Dehlevi. 1996. Ghazals. In: Persian-Literature. (Library of Persian Literature “Ganjoor”). URL: <https://ganjoor.net/khosro/gozide/ghazalamkh/sh1720> (accessed: 06/10/2023) (in Persian).
- 7 Ilyasova, S. R. 2021a. In: *Arheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan)*, 1 (24), 33-41 (in Russian).
- 8 Ilyasova, S. R. 2021b. In: *Smagulovskiy sbornik. Specialnyi vypusk Vestnika Mejdunarodnogo Instituta Tsentralnoaziatskih issledovaniy (Collection of articles in honor of Smagulov. Special issue of the “Bulletin of the International Institute for Central Asian Studies”)*, 32, 53-61 (in Russian).
- 9 Ilyasova, S. R., Ilyasov, Dj. Y., Imamberdiyev, R. A., Ishakova, E. A. 2016. «Net blaga v bogatstve ...». *Glazurovannaya keramika Tashkentskogo oazisa IX–XII vekov (“There is no good in wealth ...”. Glazed Ceramics of the Tashkent Oasis of the 9th–12th centuries)*. Moscow: “Marjani Foundation” Publ. (in Russian).
- 10 Klein, L. S. 2011. *Istoriya arheologicheskoy mysli (History of archaeological thought)*. Vol. 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg University (in Russian).
- 11 Qoshghariy, Mahmud. 1962. *Turkiy so‘zlar devoni (Devoni lughatit turk). Uch tomlik. II tom. S. Mutalibov tarjimasi va nashri (Dictionary of Turkish words. Three volumes. Volume II. Translated and published by S. Mutalibov)*. Tashkent: “Uz FA nashriyoti” Publ. (in Uzbek).
- 12 Livshits, V. A. 2008. *Sogdiiskaya epigrafika Srednei Azii i Semirech’ya (The Sogdian Epigraphy in Central Asia and Semirech’ye)*. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University (in Russian).
- 13 Lunina, S. B. 1984. *Goroda Yujnogo Sogda v VIII–XII vv. (Cities of Southern Sogd in the 8th–12th centuries)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
- 14 Marshak, B. I. 1976. In: *Iskusstvo i arheologiya Irana (Art and archaeology of Iran)*, II, 148-173 (in Russian).
- 15 Minasyants V.S., Alpatkina T.G. 2014. *T. M. Mirgiyazov is a little-known name in Central Asian archaeology*. Tashkent: “Uz FA nashriyoti” Publ. (in Russian).
- 16 Reysner, M. L. 2010. In: Porhomovskiy, V. Y., Semenyuk, N. N. (eds.). *Kulturno-istoricheskaya paradigma i yazykovye protsess (Cultural-historical paradigm and language processes)*, 91-127 (in Russian).
- 17 Reysner, M. L. 2015. *Persidskaya religiozno-misticheskaya poeziya XI–XV vv. Uchebnoe posobie (Persian Religious and Mystical Poetry of the 11th–15th centuries. Study guide)*. Kazan: Kazan federal university (in Russian).
- 18 Reysner, M. L., Chalisova, N. Y. 2007. In: Matyushina, I. G., Neklyudov, S. Y. (eds.). “*Lirika: genesis i evolyuciya (Lyrics: genesis and evolution)*”. Moscow: Russian State University for the Humanities, 175-231 (in Russian).
- 19 Rudaki. 1998. Mother of wine (مادر مي) In: Persian-Literature. (Library of Persian Literature «Ganjoor»). URL: <https://ganjoor.net/roodaki/baghimande/sh89> (accessed: 05/10/2023) (in Persian).

- 20 As-Suli, Abu Bakr Muhammad. 1998. *Kitab al-avraq. Kriticheskii tekst i per. na russkiy yazyk V.I. Belyaeva i A.B. Halidova; Predislovie, primechanie i ukazateli A.B. Halidova* (As-Suli, Abu Bakr Muhammad. *Kitab al-awraq. Critical text and transl. into Russian V.I. Belyaev and A.B. Khalidov; Foreword, note and indexes by A.B. Khalidov*). St. Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).
- 21 Firdousi. 1993. *Shahname. Izdateli: C.B. Lahuti, A. Lahuti, A.A. Starikov. Pervod C.B. Lahuti* (Ferdawsi. *Shahname. Publishers: Ts.B. Lakhuti, A. Lakhuti, A.A. Starikov. Transl. by C.B. Lahuti*). Vol. I. Moscow: “Ladimir” Publ. (in Russian).
- 22 Haqani – Afzal ad-din Badil Ibrahim ibn Ali. 2016. Ghazals. In: *Persian-Literature. (Library of Persian Literature “Ganjoor”)*. URL: <https://ganjoor.net/khaghani/divankh/ghasidekh/sh200> (accessed: 06/10/2023) (in Persian).
- 23 Chalisova, N. Y. 2011. In: *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta (Bulletin of the Russian State Humanitarian University)*, 2, 126-157 (in Russian).
- 24 Shishkin, V. A. 1940. In: *Izvestiya Uzbekistanskogo filiala Akademii nauk SSSR (News of the Uzbekistan branch of the USSR Academy of Sciences)*, 8, 56–61 (in Russian)
- 25 De la Vaissière, Étienne. 2010. In: *Turcica*, 42, 267-278 (in French).
- 26 Dhabhar, B. N. 1955 In: *Essays on Iranian Subjects*. Bombay, 181–195 (in English).
- 27 Hanaway, W. L. 1988. In: *Iran*, 26, 69–80 (in English).
- 28 Hodder, Ian & Hutson, Scott. 2003. *Reading the past. Current approaches to interpretation in archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press (3rd edn) (in English).
- 29 Ghouchani, A. 1999. In: *Bulletin of the Asia Institute. New Series*, 13, 141-150 (in English).
- 30 Meisami, J. S. 2003. *Structure and Meaning in Medieval Arabic and Persian Poetry*. London: Routledge Curzon (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 22.05.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.06.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.02.2024.

